

Русская провинция

красноярская
провинция

Выпуск подготовлен совместно с Управлением культуры администрации области

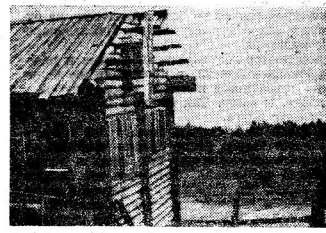
● Дорогие сердцу места

«МИЛЫЕ ШЕЛОТЫ»

Дальнее северное село, где родился замечательный русский писатель Владимир Тендряков. Зеленый луг над рекой; здесь стоял его родительский дом, ныне снесенный. Мягкие, плавные очертания горы Котичева, названной так земляками в память об отце писателя. По старой деревенской привычке — не именем, а его прозванием.

«Моя родина — северное село с тяжелыми облаками, влажной хвоей угрюмых лесов, с угрюмыми туманами». Так помнил Владимир Тендряков свои «милые Шелоты».

Фотографирует Вениамин МИТЕЛЬКОВ.

● Вопрос вслух

Обод красного колеса?

Русская провинция — восьмое чудо света. По-моему, это уже доказано. Это понятие геометрическое, обусловленное транспортной геометрией спиц, связывающих обод с осью солженицынского красного колеса.

Русская провинция возникла исторически и укрепилась в худших условиях диалектики.

Однако сейчас устоявшаяся структура меняется, а может быть, и ломается благодаря частному предпринимательству. С точки зрения потребления провинция питается теми же продуктами, что и Москва. А может, и лучше, если, скажем, какой-либо предприниматель зафрахтует корабль и отправит его в заморские страны за экзотическими продуктами.

Число телеканалов в Вологде на душу населения несравнимо больше, чем в Москве, благодаря негосударственной телетекстике.

Есть много и других примеров, показывающих, что провинциализм, как категория отсталости постепенно тает под давлением негосударственного, частного предпринимательства.

Это явление набирает силу во многих сферах, кроме, пожалуй, сферы культуры и искусства. Провинции для самоуверждения уже недостаточно одной Москвы. Необходимо не только зарубежное признание, но и зарубежное потребление русского провинциального искусства и культуры.

А это значит: туризм, международные фестивали и выставки, печатные издания на различных языках и т. д.

Русская провинция может стать центром, привлекающим к себе внимание всего мира. И тогда тезис о русской провинции, как восьмом чуде света, примет не иронический, а действительный смысл.

С. ФАУСТОВ.

Анкета "Русская провинция"

1. Какой смысл имеют для вас понятия «провинциализм» и «провинциальность»?
2. Как строятся и как должны строиться отношения провинции и столицы?
3. Деятель провинциальной культуры — каким вы его видите?
4. Роль провинции в общенациональной культуре?
5. Что значит провинция в вашей судьбе?

Несколькими словами хочется предать анкету, которая, в свою очередь, предвещает планируемый на начало июля «круглый стол» по проблеме русской провинции, который, в свою очередь... Однако останавлюсь разбег многообещающих догадок о том, что мог бы предвещать «круглый стол», чему положить начало. Сейчас главное — собраться всем заинтересованным, желающим объединить свои пока что даже не усиленные, а мысли, относящиеся к тому, что такое КУЛЬТУРА ПРОВИНЦИИ и какой ее хотелось бы видеть. Видеть, чтобы в ней жилось.

Главное — почувствовать, что в слове «провинция» есть собирательная сила. Чаше оно отдаляет и разъединяет. Разве не так? К сожалению, так даже по своему первоначальному историческому смыслу, когда в Древнем Риме им обозначали вновь завоеванные и навсегда оставшиеся чужими, полуварварскими области. Римская империя прирастала провинциями, но и распадалась ими, теряя в них свою целостность и устойчивость.

В России веками пафос культуры был пафосом собирания, централизации. Провинциализм — знаком отпадения и даже выпадения из культуры. Об этом свидетельствует русская классическая литература, либо суровая в провинциальной жизни, либо же мало замечавшая. Были исключения, но в основном не среди писателей первого ряда, по давню установившейся формуле, составляющих традицию от Пушкина до Блока. Правда, двадцатый век начался бунтом.

«Собирательная природа Блока, его стремление к централизации стиха и языка напоминает государственное чутье исторических москвитских деятелей. Это властная, крутая рука по отношению ко всякому провинциализму: все для Москвы, т. е. в данном случае для исторически сложившейся поэзии традиционного языка государственника. Футуризм весь в провинциализмах, в удельном буйстве, в фольклорной и этнографической разногласности».

Так в начале двадцатых годов писал О. Мандельштам, не следовавший Блоку, не принадлежавший футуризму, но оневнивший присущую не футуризму колонию, не авангарду вообще, а именно русскому футуризму — у Хлебникова, ранних Маяковского и Асеева — пестроту, играющей красками речи. Пестроту каклодневного слова, сквозь которую просвечивает нечто очень глубокое, древнее — память мифологического предания.

И тут же повод для нового спора — о литературном достоинстве провинциального слова. Обогащает оно национальный язык и литературу или уводит на какие-то боковые пути и тропинки?

Должен сказать, что это не только наш спор. Два месяца назад, переводя на Оксфорд, приглашение к участию в нашем «круглом столе» английских коллегам, я невольно спровоцировал их

полемику. Задав вопрос о значении провинциальной культуры Джеральду Смит, профессору славистики, автору книги о нашей «гитарной несне», а также составителю прекрасной антологии современной русской поэзии с текстом оригинала и переводами самого Смита. В ответ получаю от него статью, вырочку, даже не статью, а как он сказал, чрик боли при чтении русских переводов из современных английских поэтов, и прежде всего их основного шестиде-

Что такое

КУЛЬТУРА ПРОВИНЦИИ?

саятника Филиппа Ларкина. Зачем переводит, возмущается Смит, если не понимают, даже не пытаются понять, что у Ларкина не нейтрально литературное слово, а отмеченное вилью до жаргонности временем и местом своего рождения. И тут же — обвинение русскому тоталитаризму, который по-прежнему властвует в сознании, в слове, подавляющим нормативностью. Какая в стране и литературе может быть свобода слова, если нет свободы языка?

На следующий день рассуждаю о своем разговоре другом онефсфорду — Майклу Николсону, завершающему сейчас библиографию Солженицына на всех языках мира, работа над которой единственно может помешать ему приехать на «круглый стол» в Вологду, где он дважды уже был на шамаловских чтениях. Он говорит: Джерри преувеличивает значение местного слова, не говоря уж о диалекте; для национальной культуры. Может быть, на местном радио возможен акцент речи данного региона, но, конечно, не на Би-Би-Си. В литературе же так говорящий персонаж будет в той или иной мере кантатурен, а «сельский стиль» в романе не раз становится предметом народного. Но, разумеется, есть какая-то разумная грань, чтобы не впасть в пародию.

Где эта грань? Мы заговариваем о нашей «деревенской прозе», которую Майкл Николсон читает со своими студентами. Но пока что прерываю себя и вспоминаю о том онефсфордовом разговоре в надежде продолжить его в Вологде.

Возможно, он привлекает не только тех, кто здесь живет, но и первую очередь он для тех, кто живет Вологодой и ее культурой. Это повод, чтобы собраться и, преодолевая опасную закрытость ко всему, с тобой несогласному, но ведь необязательно чуждому и враждебному, проверить свою способность к диалогу. Диалог возможен, когда ты начинаешь слышать другого, а значит, лучше слышать, оценивать и самого себя. В какой мере эта способность присутствует сегодняшней провинции? Или, иначе говоря, в какой мере сегодняшняя русская культура имеет шанс не распадаться на провинцию, а возрастать и возрождаться ими?

Игорь ШАНТАНОВ.

Небольшая моя публикация в «ИКС» о вологодских церковных певчих неожиданно вызвала волну заинтересованных откликов. Писали и звонили бывшие участники духовных хоров Вологды, Никольска, Грязовца — называли новые имена талантливых певцов, регентов, даже композиторов, сочинивших духовную музыку. Так выяснилось, что две молитвы, написанные В. Ворониным (местным регентом и певцом, а в дальнейшем — преподавателем музыкального училища), по сей день включают в богослужения...

Скромный материал словно бы оживал, расцветал новыми фактами, деталями, интересными психологическими штрихами. Исторические моменты проросли в современность, предлагало даже начать летопись духовных хоров нашего времени.

Вспомнили, что хор Вологодской семинарии был одним из лучших духовных хоров России, что выпускник этой семинарии Евангелист Яхьянов в начале века создал в далеком Никольске большой певческий коллектив и продолжил с ним не только службу в местном храме, но и открытые концерты.

Откликнулся сын когда-то хорошо известного вологодца — певца Д. Колескина Владимир Дмитриевич — кадровый военный, офицер-танкист. Он как бы продолжил материал статьи, рассказав о судьбе отца, погибшего в сталинских лагерях, еще о том, что жила в генах семьи любовь к пению, и как знать — не возродится ли она в каком-нибудь из потомков ярким позитивным талантом их деда «Мити Золотое Горлышко», как ласково называли его друзья...

Трогательное письмо пришло из Москвы от девятидестолетней (!) Веры Александровны Шаховой, которая прекрасно помнит духовные концерты в Вологде и свое выступление с солистом Большого театра Стрельцовым в «Разбойнике Влгоградуном»...

Так небольшая газетная статья сыграла роль катализатора, подтолкнула коллективную память, помогла собрать систематический материал там, где не сохранились документальные свидетельства. В итоге — приоткрылись интереснейший и до этого неизвестный пласт нашей культуры.

А сколько их, подобных явлений художественной жизни нашего края, ждут своего часа, готовы историкам культуры новые открытия!

В провинциальных городах России — губерниях и уездах, в помещичьих усадьбах всегда полнокровно жила музыка: там учили и учились игре на различных музыкальных инструментах, устраивали музыкальные собрания, ставили музыкальные спектакли, слушали концерты, гастролирующих артистов, музицировали дома и в небольших любительских кружках, сочиняли музыку, даже издавали ноты!

Существовала особая провинциальная духовная художественная среда — камерная (келейная), но необычайно насыщенная, по-своему интимная. Были постоянны и постоянны — мгновенные, запечатлеть яркое событие, описать его и тем самым сохранить для потомков. К сожалению, свидетельства эти оседали в дневниках, личных письмах и редких публикациях. Чаще всего факты художественной культуры сохранялись в эмоциональной памяти поколений и уходили вместе с ними, оказываясь безвозвратно утраченными для нас.

И все-таки музыкальная культура Вологодчины двадцатого века уже не знает в Лету! Десятки имен и значительных фактов художественной жизни буквально выложены на ней. Есть систематизированные материалы (пока в виде рукописей) по таким процессам нашей жизни, как любительское музицирование, профессиональное исполнительство, формы бытования, фиксации и популяризации фольклора. Областной библиотечной им. Бабуркина издан библиографический указатель «Музыкальная жизнь Вологодской области 1917—1982 гг.». В книге, выпущенной к 75-летию Вологодского музыкального училища, освещены вопросы профессионального музыкального образования. Все более активно формирует свои формы по истории местной художественной культуры краеведческий музей.

С такой базой можно помечтать и об издании всех имеющихся материалов, тем более что становятся открытыми ранее «запретные» темы, такие, как духовная музыка или творчество вологодских мигрантов... Традиции художественной культуры российской периферии богаты и самобытны. Собрать, систематизировать, доступные нам факты, а затем бережно передать их будущим поколениям — не в этом ли состоит наш высокий долг!

Э. КИРИЛОВА.

Зарубежные контакты земляков в последние годы не просто неизмеримо расширились, но приобрели совершенно новое качество. Теперь нет нужды в посредничестве столицы, а тем более в ее указах и запретах. Дружат области с областями, город с городом, специалисты какой-то отрасли — со своими зарубежными коллегами. Встречаются друг с другом не только политики, экономисты, бизнесмены. Так, полезное сотрудничество налажено между социальными работниками Вологды и их немецкими коллегами.

● Рассказывает психолог Ольга Духова: — Сотрудничество с благотворительным объединением приходов земли Северный Рейн — Вестфалия берет начало в 1992 году. В частности, плодотворно развиваются связи между экспертными детскими домами в Вологде (директор Л. Н. Одинова) и структурами, оказывающими социальную, педагогическую и психологическую помощь детям в Горной Дияхии.

2. Ежедневная газета «Красный Север».

1. Понятия эти многозначны и со временем имеют свойство менять оттенки своего смыслового значения. Сейчас, например, многие общественно-политические силы буквально бросились заговаривать с провинцией, и порой в этом заигрывании немало от лукавого. Для меня «провинциализм» — это некое явление, связанное с особенностями бытия на территории, т. е. с ее большей близостью к традициям, более сильным ощущением уникальности каждого российского региона, отсутствием жажды постоянного предводительства.

2. Столица, к сожалению, обнаруживает тенденцию к превращению в космополитический кризисогенный мегаполис, разрывающийся по своим законам, мало понятным остальной стране, т. е. все той же провинции. И хотя в столице еще много можно учиться, все же все больше нужно ей помогать, особенно в духовно-нравственной сфере.

3. Умеющий в малом видеть большое. Ярким примером для меня является Андрей Андреевич Угрюмов — сельский учитель, написавший несколько хороших и умных книг, сохраняющих для нынешних поколений образ уходящей малой Родины.

4. Это большой вопрос. Мне кажется, что в наше время неизмеримо возросло значение провинциальных малых и средних городов, имеющих большую историю. Наша работа над серией историко-краеведческих альбомов как-то особо высветила их миссию хранения и культурных ценностей, их здоровый консерватизм и умеренность.

5. Это мой — говоря словами Л. Гумилева — «провинциальный ландшафт».

А. В. КАМКИН, доктор исторических наук.

1. Оценочный: провинциализм — отрицательный; провинциальность — положительный.

2. Разнообразные. Относительно же отдельного человека: «...Если выпало в империи родиться. Лучшее жить в глухой провинции у моря. И от Цезаря далеко, и от Вюгги. Лебезить не нужно, тусоваться, торопиться...» (И. Бродский. Письма римскому другу).

3. Добросовестный, искренний, бескорыстный. И. А. Пятницкий, Федосимов. В прошлом — Суворова, Савватова, Непени.

4. Из культур провинций образуется общенациональная культура.

5. «Где родился, там и сохранился».

О. ПЫЛЕВА, зав. литературным отделом музея-заповедника (музей К. Н. Батюшкова).

1. Для меня таких понятий просто никогда не существовало. Ни тогда, когда я до 20 лет жил в Костромской области, ни тогда, когда столько же прожил в Москве и Подмосковье. Более того, слова о «провинциальности» всегда казались мне не только надуманными, но даже оскорбительными. Особенно — сейчас, когда я приезжаю в Москву и вижу храм, мусор, торгашей, нищих. А главное — когда так упали нравы, и падение это началось сверху, а не снизу.

2. Из ответа на первый вопрос вытекает и ответ второй. Поскольку я не вижу большой разницы (не по приметам, а в смысле значимости) между Москвой и Вологодом, Петербургом и Костромой (там и тут живут люди — и достойные, и не очень), — то и отношения между ними должны быть паритетными.

А раз так, то взаимное уважение между центром и периферией — это прежде всего. К сожалению, на практике мы часто видим неприязнь друг к другу.

3. Лев Николаевич Толстой, например, Александр Сергеевич Пушкин, по моему, хаити. Попробовали бы они без Ясной Поляны, без Михайловского! Убежден, что лучшие свои произведения они создали благодаря «провинции». Разумеется, есть великие деятели и чисто салонной культуры. Но это не имеет никакого отношения к месту, где они проживают.

4. Как Россия начиналась с деревень, так и культура рождается в провинции. Как, между прочим, и в столичных кварталах. Но, поскольку 99% территории страны — «провинция», то можно составить и соответствующую пропорцию относительно столичной и областной культуры.

5. Все.

Юрий ЛЕДНЕВ.

После нашего визита в северный русский город Вологду в мае 1992 года завязалась крепкая дружба между сотрудниками русских детских домов и консультационных служб и сотрудниками родных учреждений Дня юности Рейнской области. Взаимные визиты, стажировки и консультации помогли нам найти взаимопонимание.

Меня поразило, насколько открыты русские друзья, насколько велико у них стремление к познанию. В тяжелой экономической и административной обстановке они создают современные учреждения и службы для детей, молодежи и семей.

Проблемы детей и молодежи и семейные проблемы в России и Германии очень похожи. Агрессивность, нежелание посещать школу, асоциальные поступки вплоть до правонарушений все чаще встречаются в обеих странах. И все чаще возраст детей, отличающихся подобным поведением, становится все меньше.

* Заголовок дан редакцией.

Чем является провинция для страны? Это кровеносная система государства, источник его жизнедеятельности, роста — обширные земли. Провинция, как приток для реки, убер их, во сколько раз обмелеет она, превратится в засыхающий ручеек, обмелеет.

Вспомним русскую литературу, живопись и зададим себе вопрос: откуда родом Толстой, Тургенев, Лесков, Репин и Суриков, Шишкин и братья Васнецовы? Они из близкой и дальней провинции. Из глубины привнесли они в столичное искусство новые идеи и образы, полную кровную силу. Так происходит и сегодня, и всегда. И во всем мире.

Провинция, провинциал — обидные для кого-то слова. Я же горжусь тем, что родился здесь и живу. Люблю свой город, его тишину, уютность, поэзию. Но люблю не только русский, но и всей мировой культуры. Проводя параллели между нашими русскими и западноевропейскими храмами, между северным и южным небом эстетических стран. Но запад северной реки, озера сильнее волнует меня, чем запад океана. Нам остается только свое родное, увидеть его неповторимость.

Я всю жизнь хожу по Соборной горке и каждое утро встречаюсь с величавыми объемами Софии Вологодской, преклоняя голову перед ее алтарем. Поднимаю голову и вижу мощные выступы алтарных аспидов, полукруглую закомару, краткие эти мгновения сродни откровению — в приобщении к Богу. Я иду по наклонной Кремлевской мысли, что вот есть на свете знаменитые города и храмы, Рим с собором святого Петра, в Италии едут люди со всех концов света, а у нас вот храм святой Софии, мудрости, и он так же прекрасен и так же велик. Москва же чувствует себя гражданином мира в любой точке земли. Не понимаю людей, стонущих от провинциальной жизни, от отсутствия красоты. Тем более в Вологде.

Есть провинциальность, но есть и провинциализм. В одном случае это некая уютная старомодность, сердечность и простота, гостеприимство. Когда-то этими свойствами славилась Москва, сегодня прекрасные стороны русской провинции. Там же, глядя на картину В. Ползневского «Московский дворик», говорим: как в Вологде. Москва же не зря называлась Вавилонской башней, в которую сегодня отравляются то страшно без надежного сопровождения.

Но не все так уж хорошо и в провинции. И в ней таких «московских двориков» все меньше и меньше. Мало ценим свое, неповторимое. А если и ценим, то, бывает, берем через край и тут уж начинается провинциализм — узкое, местническое сознание, приводящее в крайние периоды истории к агрессивному национализму. А это и опасно, и разрушает душу. Провозглашая своей культурой, как и народа, единственным губительное. Нет на свете одного государства и ни одной культуры, которая могла бы без чужих-либо воздействий. Все взаимопереплетено, как корни гигантских деревьев образуют под землей фантастические единные корни и тем самым удерживают земное основание.

Уже многие годы говорится и пишется о возрождении России через провинцию, русские северные земли. Действительно, сегодня провинция хранит стремительно уходящую из жизни человечности, совестливости, ответственности за дело. Здесь еще жива та русская интеллигентность, которую неуютно и страшно в гигантских столичных воронках. Мне верится, что наступит время, когда эта канувшая старомодная интеллигентность поднимется в цене и ей будут учиться, так как будут учиться писать письма, объясняться в любви, быть человеком.

И. БАЛАШОВА, искусствовед.

О. А. НАУМОВА, директор архива.

1. Понятия «провинциализм» и «провинциальность», с моей точки зрения, включают в себя все, что имеет отношение к провинции, а не к столице, характерно для нее, точнее для жизни людей в области, районе, селении, деревне и возникающих в течение этой жизни различных обстоятельств.

2. Отношения провинции и столицы должны строиться на основе тесного равноправного сотрудничества, центром которого должно быть стремление к дальнейшему развитию общенациональной культуры при безусловном уважительном отношении к историческому и культурному прошлому России. Высокомерное отношение столицы к провинции как к территориальному объединению менее талантливых, менее интеллектуальных и менее культурных, чем в столице, людей недопустимо, оскорбительно и в корне неверно.

3. Деятель провинциальной культуры — это человек, делающий все возможное и невозможное для сохранения и развития наследия прошлого, воспитания в современниках бережного отношения к культурным ценностям, своему языку, традициям и обычаям, любви к Родине и своей земле, уважения к своей истории, активно работающий на развитие истории и культуры края, обогащение общенациональной и мировой культуры в целом.

Среди работников, отвечающих миссии провинциальной культуры, можно назвать таких людей, как Колесников П. А., профессор ВГПИ, доктор исторических наук, Федосимов Н. И., художник-реставратор Вологодского областного музея-заповедника.

4. Роль провинции в общенациональной культуре, несомненно, огромна, т. к. культура является отражением духовного и нравственного уровня всего народа, страны, а не его столичного населения.

Потому очень важна всячески поддерживать, развивать провинциальную культуру, которая, по сути дела, и формирует культуру общенациональную.

5. Что значит провинция в моей судьбе? Я много лет живу в провинции, не ощущая при этом никакой ущербности от того, что не живу в столице. Провинциальная жизнь для меня — это жизнь вне столицы, и только.

О. А. НАУМОВА, директор архива.

1. Само понятие «провинция» — весьма относительное и заметно меняет смысл в зависимости от объекта сравнения. Но провинциализм ни в коей мере не является признаком примитивности, скорее это синоним сдержанности.

2. В отношении культуры важно, на мой взгляд, полностью отказаться от централизации, содействовать образованию объектов культуры (музеев, кружков, клубов) не только в малых городах, но и в поселках.

3. В самом понятии — деятель культуры (если он действительно таковым является) заложен смысл того, что человек этот несет в себе интеллект и высокую культуру. Поэтому большой разницы в ролях деятелей провинциальной и столичной культуры я не вижу. Тем более, что многие таланты в области культуры, проявляющие в столице, — выходцы из провинции.

Для деятелей культуры в столице трудностью в реализации творческого потенциала является их перенасыщенность, поэтому многие из них «выпадают в осадок», т. е. не имеют возможности работать на своем месте в полную силу. В провинции же, где нет перенасыщенности, заняться своим делом в этом плане проще.

5. В моей жизни провинция (т. е. родная Вологодчина) определила многое. Занимался краеведением по многим направлениям. Постоянно слежу за культурной жизнью Вологды.

Ю. МАЛОЗЕМОВ.

1. Понятия «провинциализм», «провинциальность» всегда имели некий смысл, вызывающий негативную реакцию, подразумевающий консерватизм, патриархальность, неосознанность, простоватость. Но те же слова можно произнести и со значением плюс. Консервативный, патриархальный — значит хорошо сохраняющий прошлое, непадкий на сомнительные перемены. Неосознанный, простоватый — значит естественный, имеющий глубокие корни и твердую суть. Ностальгия по прошлому всегда живет в человеке, и этим во многом вызван интерес к изучению провинциальной жизни.

2. Стало принято разделять понятия «провинция» и «столица» не только в географическом, но и в духовном, культурном смысле. Безусловно, жизнь в провинции и столице различна по ритму и содержанию. Следует признать, что «столица» и провинция в историческом и культурологическом смысле — понятия относительные, так как трудно четко определить их границы. Поэтому взаимоотношения столицы и провинции должны строиться из учета того обстоятельства, что они являются частью одного организма.

3. Кого можно назвать деятелем провинциальной культуры? Тех, кто основную часть жизни сознательно посвящает культуре? Или тех, чья деятельность вынуждала жить вне столицы? А может быть, тех, в чьем творчестве описание провинции и ее жителей занимает главное место? Скорее всего тех, чья деятельность способствовала развитию культуры в провинции. Это определение — «деятель провинциальной культуры» — изначально подразумевает более низкий уровень, и поэтому не стоит называть низкими фамилий.

4. Вывод о роли провинции в общенациональной культуре проистекает из всего вышесказанного, так как существует «общенациональная культура», в которой нельзя выделить границы провинциальной культуры.

5. Для многих людей провинция — это, во-первых, родина, о которой связаны светлые воспоминания детства, во-вторых, — жизнь.

О. АРТЕМОВА, старший научный сотрудник ГАВО.

ДЕТИ — ВЕЗДЕ ДЕТИ

Русская провинция

2.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА «КРАСНЫЙ СЕВЕР»

в городе Апрайт (руководитель — доктор Х. Торноф).

Достоинство этого сотрудничества видится в том, что оно ориентировано не на краткосрочную и не разрывающую, в конечном счете, наши материальные затруднения помощь немецкой стороны вологодским партнерам.

Обмен мнениями, опытом, совместное осмысление целей педагогического труда, оказание помощи детям, временно или навсегда потерявшим главный оплот детства — семью, вот смысл сотрудничества. Приятно осознавать, что партнерство совершенно равноправно: мы учимся у немцев, они — у нас.

К сожалению, Ольга Духова остается работать, что в июне в Вологде снова приезжают немецкие друзья по главе с доктором психологии Х. Торнофом. Сегодня мы предлагаем читателям перевод его статьи, опубликованной в немецком журнале «Фройндесбриф».

После нашего визита в северный русский город Вологду в мае 1992 года завязалась крепкая дружба между сотрудниками русских детских домов и консультационных служб и сотрудниками родных учреждений Дня юности Рейнской области.

Взаимные визиты, стажировки и консультации помогли нам найти взаимопонимание.

Меня поразило, насколько открыты русские друзья, насколько велико у них стремление к познанию. В тяжелой экономической и административной обстановке они создают современные учреждения и службы для детей, молодежи и семей.

Проблемы детей и молодежи и семейные проблемы в России и Германии очень похожи. Агрессивность, нежелание посещать школу, асоциальные поступки вплоть до правонарушений все чаще встречаются в обеих странах. И все чаще возраст детей, отличающихся подобным поведением, становится все меньше.

* Заголовок дан редакцией.

Давайте помочь друг другу*

новится младше. Подростки увлекаются алкоголем, наркотиками, видеопродукцией, электронными играми. Почему же у нас возникают такие одинаковые проблемы?

Потребности русских и немецких детей очень отличаются друг от друга. Независимо от общественного строя все дети нуждаются в любви взрослых, которым они могут довериться и которые при этом могут помочь им разобраться в мире, что происходит в нем. Детям нужны цели и условия их достижения, им нужны успехи. Им необходимы социальные контакты и чувство, что они нужны обществу.

В обеих странах сегодня не просто быть ребенком или воспитателем. Многие взрослые ли-

шены уверенности, не знают, что правильно теперь и что ожидает их в будущем. Эта неуверенность переносится и на детей, подростков и молодежь. Они больше не верят в будущее. Семьи стали нестабильными. У многих родителей так много собственных проблем, что просто не хватает сил для воспитания детей. Безработица, нехватка жилья, высокие цены усиливают стресс.

Каким же образом мы можем в наших городах, в наших странах внушить доверие нашим детям и молодежи — ведь оно так нужно им для их развития! Для этого, очевидно, нам, воспитателям, необходимо доверять нашим воспитанникам. Но как же мы можем этого достичь, если повсюду видим, что люди обманывают и убивают друг друга, что они способны уничтожить окружающую нас природу, что все меньше и меньше остается места для разума и морали.

Я уверен, что мы бы в самом деле растерялись, если бы наше доверие распространилось только на людей, которые непосредственно нас окружают. Они так же слабы и эгоистичны, как и мы сами. Я убежден, что доверие является самым главным в жизни, если предположить, что у Господа в отношении каждого хорошие намерения. И все мы, как любимые Господом свободные люди, сможем познать себя и других и сделать первые шаги на этом, еще неизвестном, пути.

И л, как человек, любимый Богом, смогу увидеть в агрессивном ребенке, в матери, боющейся своего дитя, в пылом отце-своем, в сестре, своего брата, которые нуждаются не в моем осуждении, а в моей помощи.

Если мы, в России и Германии, достигнем такого доверия к людям и научимся смотреть на наших детей и семьи таким образом, то мы сможем противостоять потоку насилия. Давайте в этом помочь друг другу!

Д-р Харальд Торноф. Фотографирует Леонид СТАРИКОВ.

Русская провинция

3.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА «КРАСНЫЙ СЕВЕР»

10.

1. Выражения «провинциализм» и «провинциальность» существуют в русском языке исторически недолгий срок и в бытовом употреблении обычно имеют уничижительный оттенок: за ними кроется противопоставление «совершенства» столичного образа жизни провинциальной «отсталости». Внедрение этих слов в обиход общества объяснимо — действительно, узор схемы столичного социума значительно сложнее и запутаннее, нежели провинциального. Однако превращение сложно организованной социальной субстанции искусства компромисса в нравственную и моральную беспринципность, а разделение труда — в разделение, расщепление общества и самой жизни на всех уровнях — физическом, духовном, социальном, политическом — представляются мне путем самоубийственным для человечества и потому непримлемым. Поэтому понятия «провинциализм» и «провинциальность» для меня не имеют смысла, и я стараюсь их не употреблять ни в разговоре, ни при письме.

2. Столица — местонахождение

великоколяского стола, царского престола, следовательно, прежде всего это символ государства. Совершенно необязательно центру государственности быть и главным центром индустрии, науки, искусства. Напротив, чем больше будет в стране региональных научных, культурных, экономических и политических центров, образующих при этом живую взаимосвязанную структуру, тем это будет полезнее и для государства, и для его населения. Пока же наша столица очень ревниво следит за соблюдением своего приоритета во всех областях.

3. Сила традиции составляет и славу, и косность провинции. Если в столице взойдет на вершину успеха по головам, а то и по трупам — чужд ли не норма жизни, то в провинции успех в культуре и в науке достигается, как правило, упорным, ежедневным, многолетним трудом. При этом задача провинциального деятеля усложнена двумя условиями: с одной стороны, он должен — соблюсти верность нормам традиции, а с другой стороны — нарушить их, совершить рывок из традиции и тем самым влить в нее свежие соки. Это

удается немногим. Чаще работающий в провинции человек не особенно и рассчитывает на эффективный успех, но спокойно, сосредоточенно и тщательно делает свое дело, оставляя по себе негромазую, но долговую память. Из близкой мне области искусства, исторических дисциплин и музейного дела высоко ценю и ту память знавших в Великом Устюге историка В. П. Шилина и художника, создателя Великоустюгского музея Н. Г. Векршишева, вологжан отца и сына Суворовых, посветивших свой талант Тотьме Ф. Н. Вахрушева и Д. А. Григорова, первого историко-графического Ферапонтова монастыря И. И. Бриллиантова и многих других. Я мог бы также привести много имен достойнейших, замечательных деятелей культуры Вологодской области наших дней, но это увело бы меня далеко за рамки анкет.

4. Провинция хранит глубинные основы народного бытия, в том числе и его культуры. Как глубоководное море, она поглатает все возникающее на поверхности социальные омечи и буруны, направляет, соглашает и припримает все бесконечное множество культурных течений, при-

готовляя тот терний, не для всех понятный и приятный коктейль, который именуется русской культурой. Традиции провинциальной народной культуры в конечном счете определяют облик общенациональной культуры.

5. Провинция в общероссийном амьале этого слова является, по сути, неважная страна, за исключением, конечно, это огромная территория и огромный пласт народной культуры, как ни странно, крайне мало изученный и мало известный. Мне доставляет удовольствие поднимать целинные участки истории художества Русского Севера и тем добавлять новые штрихи к историческому портрету России и русского народа. За этим увлекательным занятием, собственно, и проходит моя жизнь, и я спокойно, без страха и смущения, встречаю розовые щеки протекции ее заката.

А. РЫБАКОВ,
председатель правления вологодского областного фонда сохранения и возрождения исторических и культурных ценностей Русского Севера «Наследие»

Едут к нам — не в гости, а навоссе

Деревня как деревня

Немало поколесил по верховьям дорогам, большей частью не вызывающим тревоги за непредвиденные остановки в грязи даже в пасмурную и дождливую погоду, без усталости любовались открывавшимися живописными далами. Они, здесь, действительно, неогляды. И здешие деревни, картинно вписанные в пологие холмы, не вызвали привычного уныния и грусти.

Наоборот. Вот одна из них, случайная, оттого безымянная и типичная для дзешних мест. Поменяв к себе строгим, серым, склятом деревняной чернухой, порадовала ее непохожей сохранностью и неистраченной красотой. Такие толки и встретили на севере России.

Крепкие, ладные, красивые дома; чистые, как специально прибранные подорожьи; толково, экономно выстроенные и посаженные огородами, с непременными цветниками и парниками. Такой дом, теплый и обустроенный, легко назвать крепостью. Сильный, горластый, красавец-двор правит порядком во дворе. Мощный и злой пес без усталости разгуливает по крыше высокого сарая, оповещающая о приближении чужих громким яростным лаем. С его «огорочливой» вышки все и всех видно, значит, все будет цело и сохранно.

При всей своей обжитости деревня казалась, да и была, по-видимому, пустой, почти безлюдной. Шел снег. Все работало.

Наталья СЕРГЕЕВА.

Фотографирует

Венямином ИМТЕЛЮХИНЫ

П. ГОРОВ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ
ГАЗЕТА
«КРАСНЫЙ СЕВЕР»

4.

Русская
провинция

Вологодский край привлекает творческих, талантливых людей. Почему? Тайна, необыкновенность. Может, главы церквей заманивают верховным светом, или стены монастырей заставляют застыть и дальше не трогать с места, или деревянные узорные незначительные или восстановленные дома лет тепло в душу, или земляки по-особому приветливы!

Провинция в России — тема, у каждой — своя изюминка, свои традиции, коими можно похвалиться, своя гордость, свой нрав. Видать, наш, вологодский, нрав помягче, наше гостеприимство пошире, нашим воздухом легче дышится.

Скажите: красивой патристичности, чем хуже соседи — Кострома или Ярославль, Псков или Киров? Не хуже, в чем-то, может, и лучше, не дай Бог кого-то узнать, обидеть. Но факт: тянутся к Вологде поэты, писатели, художники, приезжают чужими, становятся нашими. Причем все больше почему-то находят здесь свой дом сибиряки и северяне.

Можно назвать еще немало

имен, всероссийских или даже международно известных, носители которых могут с полным правом считать себя вологжанками, а мы — гордиться ими, как земляками. Еще больше тех, чья известность не столь широка, у кого талант поменьше или кто еще не проявил себя в полную силу.

Вот недавно опять полку художников прибыло — переехал из Томска Василий Птичкин, по профессии — архитектор, по призванию — художник. Не юноша — за сорок ему, был дом, была работа вполне денежная, что заставило сменить дом и сам, наверное, по полочкам не разложит. Просто несколько лет назад довелось ему побывать в Вологде, и заболел он нашими городскими да сельскими пейзажами, тем более что любимого его тема — история Руси, а заветное желание — создание фресок.

Птичкин-художника мы пока еще знаем мало: была всего лишь одна — ознакомительная выставка в Доме художника. Но кажется, что приехал человек по-настоящему творческий, у которого есть что сказать людям.

Вологжане — противники хулы, но сдержанны и на востоке. Доброжелательно поддерживают, а про себя подумают: наш? не наш? Пожелаем себе и Василию Птичкину, чтобы он стал нашим.

Передо мной небольшой лист бумаги с вопросами анкеты. «Провинция — особая культура». Этот вопрос как бы предопределяет и ответ. Но я почувствовал, как трудно ответить на простые, а лоб задаваемые вопросы. Я ощутил себя в детстве, когда болел бесконечности космоса. На эти вопросы можно ответить общеринтичными понятиями или кратко, как при голосовании: да, да, нет, да. Но кажется мне, что от честного признания, хотя бы самому себе, никуда не уйти. Дело не в том, правильно ли я отвечаю, согласна ли со мной? Для меня самого важно не предавать своих убеждений. Именно поэтому мне хотелось бы уйти от общеринтичной трактовки слова «провинция».

Мне кажется, что провинция — это каждая следующая станция от столицы. Провинция — это тайна. Как есть она у леса или болота. Провинция — это особая культура, которая благодаря своей некоторой статичности, равно как и отказу строго придерживаться традиций, помогает нам не мириться, когда нас прижимают к безукрывной прихоти самоуверенных людей с сомнительным вкусом. Провинциальная культура — может быть, это народная культура с оттенками наивности, застенчивости, осторожности и чего-то еще местного.

Наверное, каждый человек мог бы дать какое-то свое определение и каждый был бы полновластным прав в этом. Главное, не быть безразличным. Провинция мне представляется средой, где в очень сложных, непредсказуемых вариантах созревают минералы, структура которых хранит всю информацию о времени и условиях. Есть такое понятие у химиков-аналитиков — «сделать шифр». Так вот, если сделать условно какой-то срез во времени, то можно на нем увидеть правду, как в зеркале, которая не всегда может порадовать, но это всегда правда. Мне кажется, что такая правда необходима, чтобы лучше понять, кто мы и что с нами может стать. Прошлое не изменить. Прошлая культура уже состоялась, а мы — часть того, из чего она продолжалась. Мне кажется безнадёжным делом попытаться воскресить все как было. Но инстинкт самосохранения заставляет нас жадно вглядываться в пожелтевшие фотографии, узнавать в застывших людях себя, пытаться понять их

поступки, прислушиваться к их моту и очень часто, не слыша, соглашаться с ними. Какую судьбу они предсказывают нам?

Все мы в разных случаях с ностальгической тоской вспоминаем о милой сердцу старине и льем слезы. Но ведь и раньше всякое бывало. Общепринято, что провинциальная культура это примитивная, стоящая как бы посредине между столичной, элитарной, и традиционно крестьянской. Конечно, влияние столичной культуры не могло не сказаться на провинции. Но именно эта провинциальная черта сомневается, перепроверяется, куржиться порождает любопытных шухшенских чудачек, которые при случае могли и «срезать». Они, эти чудачки, и являлись, как правило, деятелями местной провинциальной культуры и хранителями и продолжателями традиций. Без этих смелых, героических людей такого явления, как провинциальная культура, просто не состоялось бы. Таких людей, слава Богу, было немало. Их и сейчас много. Как правило, это великие мученики и жертвы, не нажившие никаких богатств. Они — фанатично offering. К сожалению, как они красивые и мужественные, мы понимаем подчас после их смерти. Это у нас, как всегда. Может быть, в этом и проявляется наш провинциализм: что имеем — не храним, потерявши, плачем.

Для меня лично образцом самозабвенной преданности провинциальной культуре — части великой русской национальной культуры, благородства — непоказуемого, неподкупного и смелого — являются: Екатерина Николова и Иван Васильевич Федосины. Благодаря уному, психологически очень тонкому ученому-исследователю Герольду Ивановичу Вадворному, составившему прекрасную книгу «Из истории реставрации древнерусской живописи. Терпескина И. В. Федосины», мы навечно сохраним память об этих удивительных людях.

Я знаю многих людей, беззаветно преданных культуре. В основном это работники культуры и служители музеев. Их судьбы, как и моя, неразрывны с культурой провинции, с провинцией — местом, где мы живем. Я не могу быть свободным от влияния на меня провинциальной культуры. Родители не отбирали и не отгораживали от нас. На формирование культуры в их взаимодействии влияют и политика, и экономика, мораль и религия, наука и философия, катеклизмы и просто явления природы. Как только прекратится этот процесс, мы можем рассмотреть культуру как феномен истории. Но всякая культура, если она культура, не боится будущего.

Валерий МИТРОФАНОВ,
художник-реставратор.